

A young woman with long, wet, curly brown hair and light-colored eyes looks directly at the camera with a serious expression. She is wearing a dark, textured, and somewhat messy garment. A small brown bird with a blue patch on its wing is perched on her shoulder. The background is a blurred, snowy forest with falling snow.

Сергей Патрушев

**Чародейка
зимнего леса**

Сергей Патрушев

Чародейка зимнего леса

«Автор»

2026

Патрушев С.

Чародейка зимнего леса / С. Патрушев — «Автор», 2026

Её называли ведьмой. Её прогнали из родной деревни камнями и проклятиями — только за то, что она была не такой, как все. За то, что разговаривала с птицами, знала язык трав и лечила чужие раны, не прося ничего взамен. Она ушла в зимний лес — израненная, одинокая, потерявшая веру в людей. И нашла там старый, заброшенный дом, который стал её убежищем. Она начала изучать алхимию — не ради силы и власти, а чтобы занять руки и заглушить боль. Но лес, тишина и древние тайны открыли ей то, чего она не искала: настоящую магию. Магию стихий, магию воспоминаний, магию любви, которая горит в сердце каждого живого существа негасимым розовым пламенем. А однажды на пороге её дома появился умирающий странник — и всё изменилось. Эта история — не о битвах и завоеваниях. Она о душе, которая прошла через отчаяние и обрела свет. О женщине, которая стала Хранительницей не потому, что так было предначертано, а потому, что выбрала любовь вместо страха.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Та, что говорит с тишиной	5
Глава вторая. Серебряный огонь	9
Глава третья. След на снегу	13
Глава четвёртая. Дары далёких земель	18
Глава пятая. Магия огня и льда	23
Глава шестая. Кубики судьбы и карты предвиденья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Патрушев

Чародейка зимнего леса

Глава первая. Та, что говорит с тишиной

Снег в том году выпал рано, словно сама зима торопилась укутать землю в белый саван, чтобы скрыть от посторонних глаз всё, что случилось в деревне на краю Великого леса. Сначала мороз сковал грязь на дорогах, превратив её в камень, а потом с неба посыпались густые, тяжёлые хлопья, которые шли двое суток без перерыва. Они заровняли тропы, приглушили звуки и укрыли толстым слоем крыши домов. Для деревенских эта зима стала самой обычной — время точить ножи, чинить упряжь и рассказывать долгими вечерами сказки у печи. Но для той, кого они сами изгнали прочь, эта зима стала первой в жизни, которую она встречала в полном, звенящем одиночестве. Вокруг неё теперь был только лес, и в этом лесу ей предстояло либо укорениться, как дереву, либо исчезнуть бесследно, как утренний иней.

Её звали Мирра, хотя имя это уже почти стёрлось из памяти людей, оставшихся за частоколом деревни. Чаще всего, вспоминая её в пересудах, они говорили «эта», «ведьма» или «лесная девка». Но в самом имени Мирра было столько света, сколько она сама несла в мир, сама того не желая и не требуя ничего взамен. У неё были глаза цвета густого лесного мха, в которых, казалось, навсегда поселилось тихое удивление перед красотой мира. Волосы, русые с медным отливом, она заплетала в свободную косу, которая часто распускалась, и тогда пряди обрамляли её лицо, делая её похожей на лесной дух, случайно принявший человеческий облик. Она была высокой и тонкой, но не болезненной, а гибкой, как молодая рябина. Двигалась Мирра плавно, почти неслышно, и даже хруст веток под её ногами казался частью какой-то особой, ведомой только ей мелодии. Но главное, что поражало всякого, кто осмеливался задержать на ней взгляд — это исходившее от неё тепло. Не тепло тела, а какое-то внутреннее свечение, душевность, которая проявлялась в каждом жесте, в повороте головы, в том, как она бережно касалась замёрзших цветов или поправляла сбившееся крыло у раненой птицы. Эта душевность и погубила её в глазах людей, потому что они не могли понять, как можно быть настолько доброй к миру, не требуя платы. А всё, что непонятно, пугает, и страх быстро превращается в злобу.

Всё началось прошлой весной, когда дожди шли три недели подряд, и река вышла из берегов, затопив нижние поля. Тогда у старостиной коровы случился выкидыш, а у мельника скисло всё зерно. Нужно было найти виноватого, и взгляды, подогреваемые страхом и самогоном, обратились к той, кто жила на отшибе, собирала странные травы и никогда не ходила в общий храм. К Мирре. Она ведь разговаривала с животными, и те её слушались. Она знала, какая трава снимет боль, а какая, добавленная в молоко, не даст ему скиснуть в жару. Она могла остановить кровь, просто приложив ладонь и прошептав несколько слов. Это был её дар, такой же естественный, как дыхание. Она не считала это колдовством. Это была просто наука понимания, язык мира, который она слышала с детства. Но для деревенских это было ведовство, и когда над деревней сгустились тучи несчастий, их страх нашёл выход. Они пришли к её дому с факелами, не слушая объяснений. Они кричали, что она навела порчу, что она сношается с лешими и доит змей по ночам. Их лица, искажённые ужасом и ненавистью, в свете факелов были страшнее любых чудовищ, которых могло бы породить её воображение. Мирра стояла на пороге, прижимая к груди узелок с травами, и пыталась объяснить им про гнилюю

воду в колодце, про больную печень у коровы, но её голос потонул в визгливом хоре проклятий. Староста, боязливо крестясь, бросил в неё камень. За ним полетели другие. Камень рассёк ей бровь, и тёплая кровь залила глаз, окрасив мир в красный цвет. И тогда Мирра побежала. Она бежала не разбирая дороги, сквозь крапиву и кусты шиповника, слыша за спиной торжествующий вой толпы, которая радовалась, что изгнала зло. Она бежала до тех пор, пока крики не стихли, а лес не сомкнулся за её спиной стеной, отрезав её от прошлой жизни. Так она стала изгоем. Так чародейка отдалилась от мира людей и шагнула в мир деревьев и зверей.

Лес принял её не сразу. Первые дни были наполнены таким отчаянием, что Мирра почти не замечала ничего вокруг. Она спала под корнями вывороченного бурей вяза, вздрагивая от каждого шороха. Ей казалось, что погоня всё ещё дышит в затылок. Голод и холод стали её постоянными спутниками. Но инстинкт жизни, дремавший в ней, постепенно начал пробуждаться. Дар, за который её возненавидели люди, в лесу стал её спасением. Она слышала, как поёт вода под слоем прелых листьев, и без труда находила родник. Она узнавала съедобные грибы и коренья, а птицы, чувствуя её беззлобность, указывали ей на кусты с последними, чудом уцелевшими ягодами. Она научилась слушать тишину, и тишина заговорила с ней на тысячах языков: шелестом трав, скрипом стволов, стуком дятла, журчанием ручья. В этом безмолвном хоре она нашла утешение, которое люди ей дать не смогли.

Однажды, когда осень уже золотила верхушки берёз, а Мирра всё ещё скиталась, не имея пристанища, она наткнулась на него. Это произошло совершенно случайно. Она шла по звериной тропе, высматривая грибы-дождевики, и вдруг заметила, что бурелом впереди выглядит слишком ровным. Подойдя ближе, она ахнула. За густой стеной бузины и одичавшего шиповника скрывался дом. Он был старым, сложенным из тёмных, замшелых брёвен, но всё ещё крепким. Высокое крыльцо просело, стекла в двух небольших окнах были выбиты, а дверь, сорванная с одной петли, жалобно скрипела на ветру. Крыша, покрытая дранкой, во многих местах провалилась, открывая небу почерневшие стропила. Это был заблудший дом, потерявшийся во времени. Кто и когда его построил, было неясно. Может быть, охотник-отшельник, а может, такой же изгой, как и она сама, только живший много лет назад. Дом совершенно не хотел, чтобы его находили. Он врос в землю, сроднился с лесом, покрылся мхом и лишайником, став почти неотличимым от окружающего пейзажа. Но Мирра его увидела. И в тот же миг её сердце, уставшее от боли, вдруг согрелось робким теплом. Ей показалось, что она не просто нашла укрытие. Она нашла место, которое ждало именно её.

Первым делом Мирра расчистила вход. Ей пришлось срезать толстые плети плюща, опутавшие дверной проём, словно стражники, охраняющие покой. Внутри пахло сыростью, землёй и старым деревом. Пыль толстым, мягким ковром устилала дощатый пол. Из мебели осталась лишь грубо сколоченная лавка, покосившийся стол и большая, сложенная из дикого камня печь, которая занимала почти четверть единственной комнаты. Печь была холодна и затянута паутиной, но она была цела. Мирра провела рукой по её шершавому боку и улыбнулась. Это было сердце дома. И пока оно молчало, дом оставался мёртвым. Она решила вдохнуть в него жизнь.

Дни с того момента слились в один непрерывный поток трудов. Мирра таскала глину из оврага, чтобы замазать щели между брёвен, сквозь которые свистел ветер. Она собирала мох и паклю, чтобы законопатить углы. Осколки стекла в окнах она заменила искусно выделанными и промасленными бычьими пузырями, которые нашла в старом, почти истлевшем коробе на чердаке. Они пропускали тусклый, рассеянный свет, но надёжно защищали от холода. Крышу, надрываясь, она перекрыла сама, связывая пучки тростника и прилаживая их к стропилам.

Она чинила дверь, скрепила расшатавшиеся половицы, смастерила из ивовых прутьев полки. С каждым днём её движения становились увереннее, а руки — сильнее. Дом, казалось, с благодарностью откликался на её заботу. Он переставал быть просто постройкой, он становился союзником. И вот настал день, когда, вычистив дымоход, Мирра сложила в печи дрова и высекла огонь. Сухое дерево занялось весело и жарко. Огонь загудел, пожирая поленья, и по дому разлилось живое, трепетное тепло. С ним пришёл уют. Мирра сидела на лавке, поджав ноги, и смотрела на пляшущие языки пламени. Впервые за долгие месяцы она почувствовала себя защищённой. У неё снова был дом.

Но, обретя кров, Мирра поняла, что убежище — это ещё не всё. Её душа, истерзанная предательством, требовала не только покоя, но и занятия. Ей нужно было то, что займёт её мысли, что даст ей цель в этой новой, уединённой жизни. И тогда она обратилась к тому, что всегда дремало на периферии её сознания. Она начала изучать алхимию. Для неё это было не колдовством с булькающими зельями и заклинаниями, а высшей формой понимания природы. Это была та же наука трав, которую она знала, но возведённая в степень совершенства. В заброшенной пристройке, которая, видимо, когда-то служила амбаром, Мирра устроила лабораторию. Она смастерила перегонный куб из старого медного чайника, приладив к нему глиняную трубку. Ступкой ей служил гладкий речной валун, а пестиком — такой же камень поменьше. Полки её лаборатории стали заполняться глиняными горшочками, берестяными туесками и стеклянными пузырьками, найденными в доме. В них, аккуратно подписанных угольком, хранились её сокровища. Толчёная яичная скорлупа, сера, собранная у погасших фумарол на дальнем болоте, древесный уголь из берёзы, растёртый в пыль. Она изучала свойства грибов-трутовиков, училась выпаривать соли из золы разных пород деревьев, настаивать масла на сосновой хвое и зверобое. Её ум, уставший от эмоций, находил отдохновение в строгой логике превращений. Смешать одно с другим, нагреть, выпарить, перегнать — и получить каплю концентрированной эссенции мяты, один запах которой мог снять головную боль. Это была магия, да, но магия, основанная на знании, а не на суеверии. Так чародейка, отдалившись от деревни, обрела новый путь, и путь этот был прекрасен своей глубиной и сложностью.

И всё же, несмотря на всю увлечённость, несмотря на обретённый дом и дело, были часы, когда тишина леса становилась невыносимо гулкой, а одиночество сжимало сердце ледяной рукой. Это случалось чаще всего вечерами, когда она садилась на крыльце, закутавшись в старую овчину, и смотрела, как гаснет закат над вершинами елей. В такие минуты перед глазами вставали лица деревенских, искажённые ненавистью, и она снова чувствовала тупую боль в рассечённой брови. На неё накатывала такая тоска по человеческому теплу, по простому разговору, что хотелось выть. Но именно в один из таких моментов к ней пришло спасение. Сначала робкое, а потом ставшее привычным и дорогим.

Она сидела и крошила на перила крыльца чёрствый хлеб, сама не зная зачем. И вдруг заметила движение. Маленький рыжевато-серый комочек с пушистым хвостом спустился с сосны и замер, нервно подёргивая носиком. Это была белка. Гостья смотрела на Мирру блестящими бусинками глаз, в которых читался вечный вопрос: друг или враг? Мирра замерла, боясь спугнуть. Она тихо, почти беззвучно зашептала что-то ласковое, глядя не на белку, а чуть в сторону, чтобы не казаться агрессивной. Она говорила о том, какая сегодня морозная ночь, как красиво скрипит снег на ветках, как хорошо, что в этом огромном лесу есть кто-то ещё, у кого бьётся сердце. Её голос, тихий и мелодичный, успокаивал не только зверька, но и её саму. Белка, наконец, решилась. Она совершила несколько коротких, суетливых прыжков, схватила самую большую крошку и молнией взлетела обратно на дерево. Мирра улыбнулась. На следующий день белка пришла снова, но уже смелее. Ещё через день она привела

подругу. А спустя неделю Мирра уже знала всех своих хвостатых соседок по повадкам. Одна была наглая и брала еду прямо из рук. Другая, пугливая, всегда ждала, пока Мирра отойдёт подальше. Третья смешно трясла правой задней лапкой, когда ела. Эти маленькие создания с их простыми, понятными потребностями и забавными характерами стали для Мирры первой ниточкой, связывающей её с живым миром за пределами её душевной боли. Ей становилось легче на душе, когда она смотрела на их возню и слушала их цоканье.

Следом за белками пришли зайцы. Это случилось в середине зимы. Мирра, расчищая тропинку к роднику, заметила под кустом можжевельника съевшегося беляка. Его шубка уже стала белоснежной, делая его почти невидимым на снегу, и лишь чёрные кончики ушей выдавали его. Заяц дрожал, и Мирра сначала подумала, что он ранен. Она осторожно приблизилась, но зверёк не убежал, только смотрел на неё огромными, полными покорной тоски глазами. Оказалось, что он просто очень стар и слаб. Его зубы стёрлись, и ему было трудно обгладывать кору. Мирра принесла ему из дома размоченные в тёплой воде зёрна и немного моркови, что чудом сохранилась у неё с осени. Заяц поел жадно, но аккуратно, и с тех пор обосновался под старым пнём у самого крыльца. Он был молчаливым и степенным, в отличие от суетливых белок. Часто, когда Мирра выходила посидеть на крыльце, он выползал из своего убежища и садился рядом, почти у самых её ног, напоминая пушистый сугроб с глазами-бусинками. Она читала ему свои записи по алхимии, рассказывала об устройстве перегонного куба, делилась мыслями о том, как получить вытяжку из чаги, которая поможет от слабости. Заяц внимательно слушал, поводя ушами, и его молчаливое присутствие было для неё самой главной поддержкой. Он не осуждал, не боялся и не предавал. Он просто был рядом.

С первыми сильными морозами, когда воздух стал колким и звенящим, лес окончательно оделся в зимнее убранство, и жизнь в нём замерла. Снег скрыл все тропы, превратив пейзаж в безмолвную, искрящуюся на солнце пустыню. Но в доме Мирры было тепло и спокойно. Она усовершенствовала свою печь, и теперь та не только грела, но и служила для самых тонких алхимических опытов. Именно так к ней пришли первые успехи. В одну из особенно холодных ночей она завершила дистилляцию экстракта из сосновой смолы и корня имбиря, смешав его с жиром барсука. Получившаяся мазь золотистого цвета была густой и невероятно пахучей. Мирра нанесла её на свои обветренные, потрескавшиеся от работы руки, и к утру кожа стала мягкой и гладкой, а трещины затянулись. Она назвала эту мазь «Зимний поцелуй». Это была её первая самостоятельная работа, её собственное изобретение, и радость от этого успеха была сродни той, что испытываешь при встрече с другом. Она поняла, что нашла свой истинный путь. Теперь её жизнь была не ожиданием и не бегством, а созиданием. Каждый день приносил новое открытие, а лес, такой холодный и безмолвный снаружи, щедро делился с ней своими дарами.

Зима длилась долго, укрывая мир белой тишиной, и Мирра чувствовала, как вместе с природой засыпает и её старая боль. Она, чародейка зимнего леса, больше не была изгнанницей. Она была хозяйкой заброшенного дома, другом белок и зайца, искусным алхимиком и, самое главное, она снова была собой — душевной, красивой, доброй девушкой, чьё сердце, несмотря ни на что, не разучилось любить. И в этом заснеженном безмолвии, вдали от людской злобы, она была почти счастлива. Робкое, хрупкое чувство покоя поселилось в её душе, обещая, что когда-нибудь весна придёт не только в лес, но и в её судьбу.

Глава вторая. Серебряный огонь

Зима не желала отступить. Казалось, она заключила с этим лесом какой-то древний, нерушимый договор и теперь ревниво следила за тем, чтобы ни один тёплый ветер не просочился сквозь частокол чёрных елей. Февраль перевалил за середину, но морозы лишь крепчали, а снега намело столько, что низкие окна домика Мирры оказались замурованы сугробами почти до самой крыши. Пришлось прорывать в снегу настоящий туннель, чтобы добраться до деревянного сарая. И всё же внутри этого снежного плена, в сердце заблудшего дома, кипела жизнь, полная открытий и тихого, сосредоточенного восторга.

Лаборатория Мирры, некогда просто угол в старом амбаре, преобразилась. Теперь это было место, где царил строгий, почти храмовый порядок. Вдоль стен, на грубо сколоченных, но надёжных стеллажах, выстроились ровные ряды глиняных горшочков, деревянных плошек и редкостное богатство — несколько стеклянных колб и пузырьков, отыскавшихся в старом сундуке на чердаке. Каждая ёмкость была помечена значком, понятным только ей: кружок с точкой для масел, волнистая линия для настоек, треугольник для кислотных солей. Воздух здесь был густым и сложным, сотканным из десятков ароматов — сухой мяты, смолистой сосны, острого уксуса, сладковатого и опасного запаха серы, которую она добывала на дальнем болоте, и тонкого, горьковатого духа дыма, навсегда въевшегося в деревянные стены. В углу, на специально сложенном очаге из речного камня, стоял её усовершенствованный перегонный куб. Медный чайник она заменила целой системой из двух глиняных горшков и длинной, изогнутой трубки, которую с огромным трудом вылепила и обожгла сама. Именно здесь, в этом переплетении трубок и тиглей, и должно было свершиться то, что изменило всё.

Неделю назад, перечитывая одну из трёх уцелевших страниц старинного трактата, найденного в подкладке старой охотничьей куртки, Мирра наткнулась на размытый, почти стёртый временем чертёж. Там говорилось о веществе, которое не принадлежит ни земле, ни воде, ни воздуху, ни обычному огню. О летучем духе материи, чистом принципе, который можно извлечь из самой простой вещи, если знать ключ. На потрёпанном пергаменте изображался змей, кусающий свой хвост, а под ним значилось одно лишь слово: «Алкагест». Это слово обожгло сознание Мирры, словно искра. Она не знала его значения, но её чутьё, её глубинная связь с языком трав и камней подсказывали, что это не просто вещество. Это дверь. Дверь на новый уровень её искусства.

Она начала с малого. Долгими часами, забывая о сне и еде, она возилась у своего очага, пытаясь повторить смутные указания чертежа. Белки, её верные спутницы, уже не пытались звать её играть в эти часы. Они сидели на притолоке и смотрели на Мирру с почтительным удивлением, провожая блестящими глазами каждое её движение. Старый заяц, в силу возраста не терпевший холода, перебрался в дом и теперь спал на куче тряпья у самой печи, иногда приоткрывая глаз и принюхиваясь к новым, незнакомым запахам, которые доносились из лаборатории. Он чувствовал, что хозяйка стоит на пороге чего-то важного.

Первые опыты были горькой чередой неудач. Смесь, которую она готовила, взрывалась облаком едкого дыма, заставляя её закашливаться и выбегать на мороз, чтобы отдышаться. Другой состав намертво запекался в тигле, превращаясь в бесполезный чёрный камень. Третий, наоборот, разъедал глиняную посуду, оставляя в ней дыры. Отчаяние подступало к горлу, но Мирра не сдавалась. Она верила логике природы. Если есть рисунок, если есть идея, значит,

должно быть и её физическое воплощение. Ошибка — это не тупик, а лишь указатель, что путь неверен. И она методично, как опытный следопыт, изучала свои ошибки. Слишком сильный жар. Слишком много серы. Слишком мало росы, собранной на рассвете с веток омелы. Каждый провал она записывала угольком на гладком берёзовом срезе, создавая собственную книгу знаний — книгу ошибок, которая вела её к истине.

Истина открылась ей в ночь, когда луна стояла высоко и была идеально круглой, серебряной монетой, вмороженной в чёрный бархат неба. Мирра, повинувшись какому-то внезапному наитию, оставила в покое соли и кислоты и обратилась к самому простому. К тому, что было у неё под рукой в избытке. К снегу. К чистейшему, пушистому снегу, который только что выпал и лежал за порогом, сверкая в лунном свете. Она набрала полную горсть и, вместо того чтобы топить его над огнём, положила в глиняную миску и просто поставила на стол, напротив окна, так, чтобы лунный свет падал прямо на него. А затем она начала читать. Не заклинания, а просто слова, которые сами приходили ей на ум. Она говорила со снегом, как говорила с белками и зайцами. Она обращалась к самой сути воды, к её памяти, заключённой в кристаллах льда. Она просила её не просто растаять, а освободить свою летучую душу, свой «алкагест», свой чистейший, нематериальный огонь, спящий в глубине любой вещи.

Она шептала, водя рукой над миской, не касаясь снега. Её дыхание, смешиваясь с морозным воздухом в комнате, образовывало облачка пара. Она говорила о том, как вода путешествует по миру — от океана к небу, от неба к горному леднику, от ледника к этому самому снегу за порогом. Она просила воду вспомнить всю свою историю и отдать ей самую суть, самую квинтэссенцию. И снег в миске начал меняться. Он не таял в воду. Он сублимировался. Прямо на глазах белые кристаллы, минуя жидкое состояние, начали истончаться, испаряться, превращаясь в тончайший, почти невидимый пар. Но этот пар не рассеивался в воздухе. Над миской, словно зачарованный, висел маленький, с кулачок размером, клубок серебристого тумана. Он был плотным и в то же время совершенно прозрачным, переливался, искрился, и внутри него, казалось, танцевали крошечные лунные лучи. От него не исходило ни тепла, ни холода. Он был никакой. Он был чистым существованием.

Сердце Мирры колотилось где-то у горла. Всё её существо трепетало от осознания произошедшего. Она не знала, что именно она сотворила. Она нарушила все правила алхимии, известные ей. Она не смешивала ингредиенты, не нагревала их и не выпаривала. Она просто попросила, и чистая, концентрированная жизнь воды откликнулась на её просьбу. Это был не просто экстракт или эссенция. Это был сам принцип воды, её информационный каркас, лишённый материального носителя. Мирра осторожно, затаив дыхание, поднесла ладонь к мерцающему облачку. Оно не обожгло её, не намочило. Когда её пальцы коснулись его, она ощутила лишь лёгкое покалывание и... песню. Да, она ощутила его как музыку. Как тихий, хрустальный перезвон, как журчание тысячи весенних ручьёв, слившихся в один аккорд. Это была самая совершенная вода, какую только можно было представить, вода, лишённая всего лишнего. Платоническая идея воды.

Внезапно одна из белок, самая юркая и любопытная, спрыгнула с полки прямо на стол, привлечённая невиданным зрелищем. Она уселась на задние лапки и смотрела на мерцающий шар, гипнотизированная его блеском. Её носик смешно подёргивался. А затем случилось непредвиденное. Облачко серебристого тумана, до этого спокойно висевшее над миской, вдруг дрогнуло и метнулось к белке. Мирра вскрикнула и хотела отогнать зверька, но было уже поздно. Капля чистейшего летучего принципа коснулась лба белки и впиталась в неё без следа, словно в сухую землю.

В тот же миг белка преобразилась. Она не стала больше или страшнее. Она стала ярче, живее, словно кто-то стёр с неё слой пыли. Её и без того блестящие глаза засияли настоящими драгоценными камнями. Каждая шерстинка на её шубке налилась цветом — рыжина стала огненной, седина — чистейшим серебром. Она издала короткий, но удивительно мелодичный свист, напоминающий трель флейты, и в один невероятный, текучий прыжок взлетела на прилоку. В ней появилась грация и сила, которой раньше не было. Она не просто двигалась — она танцевала. И в этом танце чувствовалось абсолютное, совершенное здоровье. Мирра смотрела на неё, раскрыв рот, и постепенно до неё начинала доходить грандиозность открытия. Она не просто выделила квинтэссенцию воды. Она нашла универсальный катализатор жизни.

С этого момента в лесном домике началась новая эра. Её алхимия больше не была просто ремеслом травницы и знахарки. Она стала чем-то большим. Мирра, окрылённая успехом, но ведомая теперь не только радостью познания, но и огромной осторожностью, начала ставить опыт за опытом. Она назвала полученную субстанцию «Серебряный огонь» — за его цвет и ту внезапную, молниеносную жизнь, которую он пробуждал. Свойства его были поразительны. Капля Серебряного огня, добавленная в её старую мазь «Зимний поцелуй», заставляла её светиться изнутри и залечивать раны не за ночь, а за несколько мгновений. Она больше не просто увлажняла и питала кожу, она словно приказывала клеткам исцеляться, вспоминать своё изначальное, совершенное состояние. Глубокая царапина, которую Мирра для пробы нанесла себе на руку, затянулась свежей розовой кожей прямо у неё на глазах, пока она считала до тридцати.

Но Мирра хотела понять, насколько универсален её принцип. Если можно выделить летучий дух воды, прочитав ему его историю, что насчёт других материй? Что насчёт земли, камня, дерева? Она начала с можжевельника, который рос у крыльца и чьи ягоды она часто использовала. Мирра взяла одну сухую, сморщенную ягоду, положила в другую миску, и снова, дождавшись ночи, поставила её под лунный свет. В этот раз она говорила о корнях, пронзающих тьму земли, о стволе, тянущемся к солнцу, о смоле, запечатывающей раны, и о сладкой горечи ягод, вобравших в себя всю мудрость долгой зимы. Это было сложнее. Вода — простая и чистая стихия, открытая и текучая. Дерево — это жизнь, воля, это структура. Ягода долго сопротивлялась, оставаясь просто сухим плодом. Но затем, когда луна достигла зенита, из неё начал исходить пар. Он был не серебристым, а зеленовато-золотым, густым и тёплым на вид. Запах, который распространился по лаборатории, был ошеломляющим. Это был запах всего леса, сжатый до одной молекулы. Стойкий, терпкий, очищающий. Мирра назвала его «Изумрудная суть». Эта субстанция обладала мощнейшим обеззараживающим и укрепляющим действием. С её помощью она превратила горсть сухих листьев в эликсир, один глоток которого прогонял усталость и наполнял мышцы силой на целый день. Простой отвар коры ивы, усиленный каплей «Изумрудной сути», снимал жар надёжнее любых её прежних снадобий.

Третьим стал камень. Обычный гольш из очага, серый, невзрачный, тысячи раз прокалённый огнём. Мирра понимала, что камень — это самая крепкая, самая неживая материя. Его дух спит так глубоко, что почти неотличим от смерти. Она сидела с ним почти всю ночь, сжимая в ладони. Она не просила его, как воду, и не убеждала, как дерево. Она просто сидела и молчала, делясь с камнем своим теплом, своим терпением, своей тихой душевной силой. Это была медитация. Она сама становилась камнем, проживала его миллионлетнюю неподвижность. И только под утро, когда силы почти оставили её, когда она слилась с его сутью воедино, камень отозвался. По его поверхности пробежала сеть тончайших, золотых прожилок, и из центра вырвался микроскопический вихрь угольно-чёрной, невероятно плотной пыли. Это была «Теневая кровь», квинтэссенция минерала. Она была тяжелее любой жидкости, тягучая, как

ругуть, и холодная на ощупь. Мирра поняла, что это вещество — чистая защита, броня, покой скалы. Капля этой субстанции, нанесённая на деревянную дощечку, делала её твёрже стали. Пролитая в землю, она связывала её в монолит.

Открытие следовало за открытием, и Мирра чувствовала, как её внутренний мир расширяется, словно она обрела новое чувство. Теперь, гуляя по лесу, она не просто видела деревья, снег и камни. Она видела их ауры, мерцающие спящими возможностями. Каждая сосна для неё теперь была источником «Изумрудной сути». Каждый сугроб — колыбелью «Серебряного огня». Каждый валун — хранилищем «Теневого крови». Она больше не была одинокой. Она была окружена безграничным, неисчислимым богатством, которое никто, кроме неё, не умел видеть и извлекать.

Однако радость её была неполной. С ростом могущества её снадобий росла и её ответственность. Однажды, испытывая очередную усиленную мазь, она случайно капнула ею на старый деревянный стол. Мазь, вместо того чтобы просто впитаться, заставила древесину стола в этом месте... проснуться. Из мёртвой, высушенной доски полезли зелёные ростки. Стол пытался стать деревом заново. Это было чудо, но чудо пугающее, выходящее из-под контроля. В другой раз, смешав каплю «Серебряного огня» с «Теневого крови» из чистого исследовательского любопытства, Мирра спровоцировала в тигле беззвучный взрыв чёрно-белого пламени, который выжег все запахи в лаборатории на три дня. Она поняла, что ступила на очень зыбкую почву. Её душевная доброта, её внутренний свет были тем единственным, что удерживало эти титанические силы в равновесии. Злоба, корысть или просто неосторожность с таким знанием могли бы натворить невообразимых бед.

Поэтому, когда метели начали стихать, а с сосулков на крыше закапала первая робкая капля, предвещающая весну, Мирра приняла важное решение. Она устроила в своей лаборатории, которую теперь мысленно называла Святилищем Стихий, тайное хранилище. В старом дупле векового дуба, что рос прямо в стене амбара, она устроила тайник, запечатав его сложным замком из корней, которые слушались её голоса. Туда она переложила большую часть «Серебряного огня», «Изумрудной сути» и «Теневого крови». Для повседневных нужд она оставила лишь крохи, разбавленные в тысячу раз. Этого было более чем достаточно, чтобы исцелять, помогать и созидать. Но настоящая сила теперь была спрятана, погружена в сон до того момента, пока не появится действительно великая нужда.

Снег начал таять, обнажая чёрную, влажную землю, и Мирра вышла на крыльцо, глубоко вдыхая влажный, пьянящий воздух. Белка, та самая, первая, сидела у неё на плече. Старый заяц, почуяв весну, выполз из дома и осторожно пробовал лапой проталину. Лес просыпался. Просыпалась и Мирра. Из одинокой чародейки, изучавшей алхимию от тоски, она превратилась в настоящую Хранительницу Стихий, чьё сердце, закалённое страданием, было единственным достойным сосудом для этой древней, невероятной силы. И где-то в глубине души она чувствовала, что эти знания пришли к ней не случайно. Что мир, изгнавший её, возможно, скоро будет нуждаться в ней. Но пока, в эти первые дни таяния снегов, она просто стояла и слушала, как поёт пробуждающаяся вода, и была почти счастлива.

Глава третья. След на снегу

Весна в тот год пришла так же внезапно, как и зима. Снег, ещё недавно казавшийся вечным, истаял всего за несколько дней, обнажив бурую, слежавшуюся листву и робкую зелень первых ростков. Лес наполнился шумом — звоном капли, журчанием ручьёв, гомоном вернувшихся птиц. Мирра просыпалась теперь не от холода, а от лучей солнца, пробивавшихся сквозь затянутые бычьим пузырьём окна и рисовавших на дощатом полу золотые квадраты. В такие утра ей казалось, что всё плохое осталось позади, похороненное под снегом, и новая жизнь, которую она построила своими руками, будет длиться вечно. Но судьба, как она уже успела убедиться, всегда держит в руке неожиданность. И этой неожиданностью суждено было стать человеку.

Случилось это в середине апреля, когда лес окончательно ожил, а на ветках набухли клейкие почки. Мирра с утра работала в своём Святилище Стихий. После открытия трёх великих квинтэссенций — «Серебряного огня», «Изумрудной сути» и «Теневой крови» — она стала ещё осторожнее. Она больше не экспериментировала бездумно, понимая, что любая ошибка может дорого обойтись не только ей, но и всему лесу. В то утро она занималась составлением простой, но изящной мази от суставной боли для старого зайца, который с приходом сырости начал прихрамывать. Она смешивала топлёный барсучий жир с микроскопической, разбавленной в тысячу раз каплей «Изумрудной сути», когда заяц вдруг насторожился. Его уши, обычно вяло свисавшие, встали торчком. Он замер, уставившись на дверь, и тихо, предупреждающе застучал задней лапой по полу. Белки, возившиеся на чердаке, мгновенно смолкли.

Мирра отставила ступку и прислушалась. Сначала она не услышала ничего, кроме привычного шума леса. Но затем её ухо, за долгие месяцы одиночества ставшее чутким, как у дикого зверя, уловило посторонний звук. Это был не зверь и не птица. Это был человек. Кто-то шёл через лес, и шёл он неуверенно, то и дело останавливаясь, словно не зная дороги. Хруст валежника под сапогами, тяжёлое, сбивчивое дыхание, иногда приглушённый стон. Мирра ощутила, как сердце сжалось в тугой, болезненный комок. Её первым побуждением было спрятаться. Деревенские? Нашли? Пришли закончить то, что начали? Она метнулась к окну и осторожно выглянула наружу.

По едва заметной тропе, которую она протоптала к роднику, шёл человек. Он был один. И он явно не был охотником или дровосеком из деревни. Высокий, широкоплечий, но исхудавший до крайности, одетый в дорожный плащ, когда-то, видимо, добротный, а теперь превратившийся в лохмотья. За спиной у него болтался тощий заплечный мешок, в руке он сжимал длинную палку, на которую тяжело опирался. Шёл он медленно, с трудом переставляя ноги, и Мирра заметила, что он хромает, подволакивая правую ногу. Его лицо, обросшее светлой, неухоженной бородой, было бледным, почти серым, а глаза лихорадочно блестели. Это был не преследователь. Это был страдалец. Обычный бродяга, странник, путешественник, заблудившийся в Великом лесу и находящийся на последнем издыхании.

Страх Мирры сменился острой, щемящей тревогой. Она видела, что человек едва держится на ногах. Ещё немного, и он упадёт замертво прямо у её порога. Вся её душевная доброта, всё то, за что её когда-то ненавидели и чего она в себе не могла побороть, мгновенно вырвалось наружу, заглушая осторожность. Она распахнула дверь и выбежала на крыльцо. Незнакомец, увидев её, замер. Он смотрел на неё с изумлением, смешанным с недоверием,

словно перед ним возникло видение, мираж, порождённый усталостью и голодом. Из тёмного, замшелого дома, стоящего посреди глухого леса, вышла молодая женщина — высокая, стройная, с распущенными русыми волосами, в которых запутались солнечные лучи. Она была красива, но красотой неброской, лесной, естественной, как цветок шиповника. От неё веяло таким теплом и участием, что путник, сам того не ожидая, вдруг почувствовал, как из груди вырывается вздох облегчения.

— Помоги... — прохрипел он пересохшими губами, сделал ещё один неверный шаг и начал заваливаться вперёд.

Мирра подхватила его, не дав упасть. Он был тяжёлым, гораздо тяжелее, чем казался на вид. От него пахло дорогой, пылью, потом и горьким запахом воспалённой раны. Она, напрягая все силы, втащила его в дом и уложила на лавку у печи. Только теперь она смогла разглядеть его как следует. Это был мужчина лет тридцати, с мужественными, грубоватыми чертами лица, которые смягчала сеть мелких морщин вокруг глаз — след то ли частых улыбок, то ли долгих лет под солнцем и ветром. Его руки, лежавшие на груди, были большими и сильными, но сейчас они бессильно сжимались в кулаки. Правая штанина ниже колена была разорвана и пропитана засохшей, почерневшей кровью. Мирра осторожно разрешила ткань своим костяным ножом и ахнула. Голень распухла, кожа вокруг рваной раны покраснела и лоснилась, от неё исходил жар. Началось воспаление. Ещё день-два, и странник бы умер от заражения крови.

В этот момент всё то, чему она научилась за свою одинокую зиму, обрело смысл. Её алхимия нужна была не для забавы и не для того, чтобы прятать страшную силу в дупле дуба. Она была нужна для этого самого мгновения — чтобы спасти жизнь. Мирра бросилась в лабораторию. Её руки двигались с молниеносной точностью, которую дают только месяцы упорных упражнений. Она схватила пузырёк с сильно разбавленным «Серебряным огнём», добавила три капли в настой ромашки и коры ивы, смешала с мазью «Зимний поцелуй», усиленной крупницей «Изумрудной сути». Это была сложная, опасная комбинация, которую она никогда раньше не пробовала, но сейчас у неё не было времени на сомнения. Чутьё подсказывало ей правильные пропорции. Она осторожно промыла рану странника, стараясь не обращать внимания на его глухие стоны, и нанесла мазь. А затем, поднеся ладони к его ноге, она сделала то, что умела делать с детства — она зашептала. Не заклинания, а слова утешения и покоя, обращённые к его телу, к его духу, к самой жизни, которая ещё теплилась в нём. Она просила его не сдаваться. Она говорила с его болью, как говорила когда-то со снегом, как говорила с камнем. И боль, словно дикий зверь, прирученный ласковой рукой, начала отступать.

Жар спал уже через час. Краснота вокруг раны начала бледнеть на глазах. Странник перестал метаться в бреду и провалился в глубокий, целительный сон. Мирра сидела рядом с ним всю ночь, меняя компрессы и вслушиваясь в его дыхание. Старый заяц, поначалу отнесшийся к чужаку с подозрением, к утру уже мирно спал у его ног, а белки то и дело спускались с чердака, чтобы посмотреть на невиданное зрелище — ещё одного человека в их доме. Мирра смотрела на спящего странника, и её душа наполнялась сложным, незнакомым чувством. Она так давно не видела людей. Она боялась их и ненавидела. Но этот человек не был похож на деревенских. В его лице, даже во сне, не было злобы и страха. Была только усталость и какая-то глубокая, запрятанная внутри печаль. Она поймала себя на том, что разглядывает его слишком долго, и смутилась, отведя взгляд.

Очнулся он на следующий день ближе к полудню. Солнце стояло высоко, и в доме было светло и тепло. Мирра в этот момент толкла в ступке сушёные ягоды черники, сидя на скамье у

окна. Она услышала шорох, подняла глаза и встретила с ним взглядом. Глаза у него оказались серыми, цвета грозового неба, и в них сейчас читалось безмерное удивление. Он смотрел на неё, на залитую солнцем комнату, на развешанные под потолком пучки трав, на любопытную белычу мордочку, выглядывающую из-за печной трубы.

— Где я? — спросил он. Голос его был слабым, но уже не хриплым.

— В моём доме, — просто ответила Мирра. — В самой чаще Великого леса. Вы забрели очень далеко от людских дорог. Вас принесли ноги, но они же вас чуть и не погубили. Что с вами случилось?

Странник медленно, с трудом приподнялся на локтях и осмотрел свою перевязанную ногу.

— Я должен был умереть, — сказал он, и в его голосе прозвучала не благодарность, а странная, горькая констатация факта. — Я шёл через Сумеречный овраг. Там ещё лежит снег. Под ним оказалась яма, старая ловушка на медведя. Я провалился, и острый кол проткнул мне ногу. Думал, всё, конец. Выбрался кое-как. Шёл наугад. А потом увидел дым над деревьями и пошёл на него. И вышел к вам. Кто вы? Лесная колдунья? Дух этого места? Или просто добрая женщина?

Мирра слегка улыбнулась. Вопрос был задан без страха, с искренним любопытством.

— Я просто та, кто здесь живёт, — ответила она, подходя к нему и подавая кружку с тёплым травяным отваром. — Меня зовут Мирра. А вы — странник. Я видела немало таких, как вы, когда ещё жила в деревне. Куда вы держите путь?

Странник взял кружку, и его пальцы на мгновение коснулись её руки. Прикосновение было мимолётным, но оба его заметили. По телу Мирры пробежала тёплая волна, и она поспешно отдернула руку, мысленно отругав себя за неловкость.

— Меня зовут Дарен, — сказал он, делая глоток. — И я не держу путь куда-то. Я держу путь откуда-то. Я бродяга. Путешественник без цели. Тот, кто не может усидеть на месте. И я, кажется, у вас в неоплатном долгу.

— Никакого долга нет, — покачала головой Мирра. — Вы просто поправляйтесь.

Но Дарен не торопился поправляться, и, честно говоря, Мирра была этому рада. Она так долго была одна, что теперь, когда в доме появился другой человек, она с удивлением обнаружила, как сильно ей этого не хватало. Дарен оказался на удивление лёгким и приятным собеседником. Он много путешествовал, видел далёкие города, высокие горы и бескрайние степи. Он рассказывал о своих странствиях тихим, спокойным голосом, и в его рассказах не было бахвальства, только тихая, созерцательная мудрость человека, привыкшего смотреть на мир широко открытыми глазами. Он говорил о закатах над южными морями, о том, какого цвета бывает песок в восточных пустынях, о странных обычаях северных народов. Мирра слушала, затаив дыхание. Её мир, сузившийся до стен лесного дома и Святилища Стихий, вдруг начал расширяться, наполняясь красками и образами. Дарен же, в свою очередь, жадно слушал её рассказы о травах, о языке зверей, о законах алхимии. Он не смеялся и не называл это колдов-

ством. Он слушал с неподдельным интересом учёного, задавал точные, умные вопросы. Мирра поймала себя на том, что ей хочется рассказывать ему всё, делиться самым сокровенным.

Дни складывались в недели. Нога Дарена заживала с невероятной скоростью, чему он не переставал удивляться. Мирра объясняла это силой трав, но не говорила ему всей правды о квинтэссенциях. Она чувствовала, что это знание — слишком опасный дар, чтобы открывать его первому встречному, как бы сильно ни тянулось к нему её сердце. А сердце тянулось. Она замечала это каждый день. Она ловила себя на том, что ждёт его пробуждения, что выбирает для ужина ягоды покрупнее, что расчёсывает волосы тщательнее, чем обычно. Ей нравилось, как он смеётся — открыто, запрокидывая голову. Ей нравилось, как он, сам ещё хромя, вызвался наколоть ей дров и как серьёзно он это делал. Ей нравилось, как задумчиво он смотрит на огонь в печи по вечерам, и тихое, спокойное тепло, которое разливалось от него по всему дому. Рядом с ним её одиночество таяло, как снег под весенним солнцем, и на его месте распускалось что-то новое, нежное и трепетное.

Дарен тоже смотрел на неё иначе. В его серых глазах, когда он думал, что она не видит, появлялась глубокая, затаённая нежность. Он наблюдал, как она работает в своём садике, как она разговаривает с белками, как сосредоточенно хмурится, смешивая свои снадобья, и в его душе происходило то, чего он не испытывал уже много лет. Он, бродяга, у которого не было дома, вдруг ощутил, что дом — это не стены и не крыша. Дом — это этот лес, этот замшелый сруб и эта женщина с глазами цвета лесного мха, которая спасла ему жизнь.

Всё изменилось в один из тёплых майских вечеров. Дарен уже почти не хромял и помогал Мирре перекрывать кусок крыши, повреждённый ветром. Они работали вместе, слаженно, почти не разговаривая, понимая друг друга с полуслова. Когда работа была закончена, они, усталые и довольные, сели на крыльце, глядя, как солнце садится за верхушки елей. Воздух был напоён ароматом хвои и цветущей черёмухи. В кустах заливался соловей. Мирра сидела, откинувшись на перила, и чувствовала странную, щемящую грусть. Дарен скоро уйдёт. Его рана зажила. Он странник, его дом — дорога. Он не останется здесь, в лесной глуши, с ней. Эта мысль была невыносимой. Она так привыкла к нему. Она так... Дальше она боялась додумывать.

— Мирра, — вдруг негромко позвал Дарен. Его голос был серьёзным и немного охрипшим.

Она повернулась к нему. Он смотрел не на закат, а на неё, и в его взгляде была такая напряжённая, сосредоточенная глубина, что у неё перехватило дыхание.

— Я должен сказать тебе кое-что, — продолжил он. — Я ведь действительно думал, что умру. Там, в овраге. Я лежал на снегу, истекал кровью и смотрел в небо. И знаешь, о чём я жалел больше всего? Не о том, что не увижу южных морей или пустынь. Я жалел, что так и не нашёл места, с которого не хотелось бы уходить. Я всю жизнь бежал от чего-то. От себя, от прошлого, от людей. Я думал, что свобода — это отсутствие привязанностей. А оказалось... — Он замолчал, подыскивая слова. — Оказалось, что свобода — это когда ты выбираешь свои оковы. И я... Я, кажется, нашёл место, от которого не хочу уходить. И человека, от которого не могу оторвать взгляд.

Мирра замерла. Её сердце колотилось так громко, что ей казалось, он слышит его стук. Она хотела что-то ответить, но слова застряли в горле. Дарен медленно, словно боясь спуг-

нуть, поднял руку и нежно, кончиками пальцев, коснулся её щеки. От его прикосновения по всему её телу разлилось тепло, чистое и сильное, как «Серебряный огонь», но во сто крат более могущественное.

— Если ты скажешь мне уйти, — прошептал он, — я уйду. Я не причиню тебе зла. Но если ты позволишь мне остаться... Я никогда не видел такой души, как у тебя, Мирра. Ты светишься. Ты исцелила не только мою ногу. Ты исцелила что-то во мне, что было сломано очень давно.

Мирра смотрела в его серые глаза, полные надежды и страха, и видела в них отражение собственной души. Она, которую прогнали с камнями, она, которую называли ведьмой, она, привыкшая доверять только белкам и зайцам, вдруг поняла, что перед ней — не враг. Перед ней — судьба. И она больше не хотела быть одна. Она подалась вперёд и сама, первая, робко и нежно поцеловала его в уголок губ. Это было её «да». Её самое главное алхимическое превращение — превращение одиночества в любовь.

Дарен порывисто обнял её, прижал к себе, уткнувшись лицом в её волосы. Они сидели так, на крыльце, пока ночь окончательно не опустилась на лес, а соловей не смолк, уступив место тихому шёпоту влюблённых. Ветви старого дуба, хранившего в своём дупле страшные секреты, тихо шелестели над ними, благословляя этот союз. Белки, устроившиеся на ночлег под крышей, довольно посапывали. Старый заяц, свернувшись калачиком в ногах у хозяев, дёргал ушами во сне, видя, наверное, самую счастливую морковку. А двое людей сидели, обнявшись, и для них в целом мире не существовало ничего, кроме биения двух сердец, наконец-то нашедших друг друга.

Глава четвёртая. Дары далёких земель

Прошло несколько дней, а Мирра всё ещё не могла привыкнуть к тому, что в её доме поселилось счастье. Оно было осязаемым, почти материальным. Оно просыпалось вместе с ней на рассвете, когда она, ещё сонная, поворачивала голову и видела на соседней подушке спокойное, мужественное лицо Дарена. Оно плескалось в ведре с родниковой водой, когда они, смеясь, брызгались друг в друга, умываясь на заднем дворе. Оно потрескивало в печи вечерами, когда они сидели рядом, глядя на огонь и разговаривая обо всём на свете. С приходом Дарена дом перестал быть просто укрытием. Он стал гнездом. И пусть стены его по-прежнему поросли мхом, а окна были затянуты мутными пузырями, для Мирры он теперь был роскошнее королевского дворца.

Она всё ещё немного боялась поверить в происходящее. Иногда, когда Дарен уходил колоть дрова или проверять силки, которые сам же и смастерил, Мирра ловила себя на том, что замирает и прислушивается — не послышится ли снаружи злой окрик, не мелькнёт ли за деревьями огонь факела. Она помнила, чем закончилась её прошлая жизнь среди людей. Но Дарен был другим. Он никогда не смотрел на неё с подозрением. Он никогда не называл её «ведьмой» и не вздрагивал, когда она заговаривала с пролетавшей мимо сойкой. Напротив, он смотрел на неё с тихим восхищением, словно на чудо, которое ему выпала честь лицезреть. И от этого взгляда её страх постепенно таял, уступая место глубокому, спокойному доверию.

В то утро Дарен поднялся раньше обычного. Мирра сквозь сон услышала, как он осторожно, стараясь не шуметь, вышел во двор. Потом донёсся стук — он что-то перекладывал в дровяном сарае, где хранил свои дорожные вещи. Мирра улыбнулась, потянулась и осталась лежать, наслаждаясь запахом утреннего леса, просачивавшимся в приоткрытую дверь. Когда Дарен вернулся, она уже сидела за столом, расчёсывая волосы костяным гребнем.

— Мирра, — сказал он, и в его голосе прозвучала какая-то новая, торжественная нота. — Я хочу тебе кое-что показать.

Он поставил на стол свой заплечный мешок — тот самый, с которым он пришёл в день их первой встречи, тощий и потрёпанный. Но теперь мешок был туго набит и заметно потяжелел. Мирра с любопытством отложила гребень. Она никогда не спрашивала Дарена о его прошлом, не допытывалась, что он носит с собой. Ей было достаточно его самого. Но теперь, видя его загадочную улыбку, она ощутила острый, детский интерес.

— За годы странствий, — начал Дарен, развязывая тесёмки мешка, — я побывал во многих королевствах. Я видел земли, о которых здесь, на севере, даже сказок не рассказывают. Я не копил богатств. Но в каждом краю я брал что-то на память. Что-то, что поражало моё воображение. И теперь, когда у меня наконец-то появился дом, я хочу, чтобы все эти вещи обрели своё место. Я хочу подарить их тебе. Потому что ты и есть мой дом, Мирра.

Она хотела что-то возразить, сказать, что ей ничего не нужно, что его любовь — самый большой дар, но Дарен уже запустил руку в мешок и извлёк на свет первый предмет. Это был небольшой, с ладонь размером, стеклянный флакон. Но какой! Мирра ахнула, подавшись вперёд. Стекло было не мутным и зеленоватым, как у её пузырьков, а идеально прозрачным, тонким, как яичная скорлупа, и переливалось в солнечных лучах радужными бликами. Флакон

имел форму слезы, заострённую книзу и округлую сверху, и был заткнут притёртой пробкой из какого-то красного, блестящего камня. Мирра взяла его в руки с трепетом священнослужителя, касающегося реликвии. Такого совершенства она не могла даже вообразить. В её Святылице Стихий были глиняные горшки, были деревянные тески, было несколько грубых стеклянных пузырьков, найденных на чердаке. Но это... Это было произведение искусства.

— Это венецианское стекло, — тихо сказал Дарен, наслаждаясь её изумлением. — Его делают мастера в далёком городе на воде. Говорят, они добавляют в расплавленный песок золото и секретные соли. Смотри, как оно играет на свету. Такой флакон не боится ни кислот, ни жара. В нём можно хранить самую драгоценную эссенцию. Я подумал, что для твоей алхимии он будет в самый раз.

Мирра не могла вымолвить ни слова. Она вертела флакон в пальцах, и грани его ловили солнечные лучи, разбрасывая по стенам маленькие радуги. Белка, сидевшая на притолоке, заворожённо следила за пляской света, пытаясь поймать лапкой скользкий зайчик. Мирра представила, как налёт в этот флакон каплю разбавленного «Серебряного огня», как он будет сиять изнутри, словно жидкая луна. Это была не просто вещь. Это был инструмент, достойный её нового уровня мастерства.

— Это ещё не всё, — улыбнулся Дарен, видя, что она не может оторвать взгляд от флакона. — Смотри дальше.

Следом он извлёк из мешка нечто, завернутое в кусок выцветшего бархата. Он аккуратно развернул ткань, и на стол легла книга. Мирра замерла. Книга в её мире была редкостью невероятной, ценностью, сопоставимой с самой жизнью. Три страницы старого трактата, давшие ей знание об Алкагесте, она хранила как величайшее сокровище. А тут была целая книга, толстая, в тяжёлом переплёте из тёмной кожи, с металлическими уголками. Но главное было внутри. Дарен раскрыл её, и Мирра увидела страницы, заполненные не рукописным текстом, а ровными, чёткими буквами. Это была печатная книга. Буквы были незнакомые, чужого языка, но между строк и на полях виднелись рисунки — изящные, подробные, выполненные чёрной тушью. Там были изображены растения, которых Мирра никогда не видела. Цветы с лепестками, похожими на языки пламени. Деревья, увешанные плодами, напоминающими звёзды. Корни, сплетённые в причудливые узлы. И схемы. Схемы перегонных аппаратов, кубов, реторт, змеевиков — такой сложности и красоты, что у Мирры захватило дух.

— Это травник из королевства Арагон, — пояснил Дарен. — Я купил его у одного книжника в портовом городе. Он сказал, что это копия, но очень точная. Там описаны растения и минералы, которые встречаются только в жарких странах. Язык тебе, скорее всего, незнаком, но я видел, как ты рисуешь свои записи. Ты поймёшь по картинкам. А если захочешь, я помогу тебе разобрать некоторые слова. Я немного знаю этот язык.

Мирра провела ладонью по странице. Бумага была плотной, чуть шероховатой, приятной на ощупь. От неё пахло пылью дальних странствий, старой кожей и чем-то пряным, незнакомым. Она перевернула страницу и увидела детальный рисунок кактуса в разрезе, а рядом — схему извлечения из него влаги. Её разум алхимика мгновенно заработал, впитывая новую информацию. Новые ингредиенты. Новые методы. Это была дверь в совершенно неизведанную область знания. Она подняла на Дарена сияющие, полные благодарности глаза.

— Дарен, это... это бесценно, — прошептала она. — Ты даже не представляешь, что ты мне подарил.

— Представляю, — мягко ответил он и снова запустил руку в свой бездонный мешок. — Но я хочу подарить тебе не только инструменты для ума. Я хочу подарить тебе то, что будет радовать твоё сердце.

На свет появилась шкатулка. Небольшая, размером с два кулака, но выполненная из дерева столь тёмного и плотного, что оно казалось камнем. Крышка шкатулки была покрыта тончайшей резьбой, изображавшей переплетённые листья и цветы, а в центре сиял перламутровый медальон, переливающийся зелёным и розовым. Дарен открыл шкатулку, и Мирра прижала ладони к щекам, чтобы не вскрикнуть. Внутри, на чёрном бархатном ложе, лежали драгоценности. Но не грубые, варварские золотые украшения, какие она иногда видела на жёнах деревенских старост. Это были творения истинных художников. Серьги в виде крошечных золотых веточек с подвесками из гранёного горного хрусталя, который сверкал чище алмаза. Кулон на тонкой серебряной цепочке — тёмно-синий сапфир в оправе из белого металла, напоминающий каплю застывшего ночного неба. И браслет — удивительное плетение из множества тонких колечек, в которое были вплетены искрящиеся камешки, похожие на застывшие капли росы.

— Это из разных мест, — тихо комментировал Дарен, бережно доставая каждую вещь. — Серьги — из германских земель. Местные мастера славятся работой с горным хрусталём. Сапфир — с далёкого Цейлона, купец говорил, что этот камень приносит мир в душу. А браслет... браслет я выменял у одного кочевника в Великой Степи. Он сказал, что камни собраны в лунную ночь на берегу солёного озера, и они хранят в себе свет луны. Я не знаю, правда ли это, но когда я увидел их, я подумал о тебе. Хотя тогда я ещё не знал тебя.

Он замолчал, и в его глазах отразилась та же мысль, что поразила Мирру. Он покупал эти украшения где-то там, за тысячи вёрст отсюда, не зная, кому и когда их подарит. Он нёс их через пустыни и горы, через бури и войны, следуя какому-то смутному, необъяснимому зову. И теперь, в этом заброшенном доме посреди Великого леса, они нашли свою хозяйку. Это было похоже на чудо. На магию высшего порядка, неподвластную ни алхимии, ни заклинаниям. На магию судьбы.

— Позволь, я помогу тебе, — сказал Дарен, беря в руки сапфировый кулон.

Мирра послушно подставила шею, убрав волосы. Его пальцы, тёплые и немного шершавые, коснулись её кожи, застёгивая цепочку. Он делал это медленно, сосредоточенно, и от его близости у Мирры сладко замирало сердце. Когда кулон лёг в ямочку на её шее, Дарен отступил на шаг и посмотрел на неё. Сапфир сиял глубокой, небесной синевой, и казалось, что это не камень, а кусочек вечернего неба, который она носит у самого сердца.

— Теперь ты похожа на королеву, — прошептал Дарен с таким благоговением в голосе, что Мирра покраснела.

— Я не королева, — ответила она, смеясь. — Я просто чародейка. Чародейка, у которой теперь есть венецианский флакон, арагонский травник и сапфир с Цейлона. Кто бы мог подумать, что в моём лесу появятся такие сокровища.

— Это не сокровища, — серьёзно сказал Дарен, снова беря её за руки. — Сокровище — это ты. А это просто вещи. Но мне хотелось, чтобы ты знала: мир огромен и прекрасен, и в нём есть место не только для страха и боли, но и для красоты. Я хотел показать тебе этот мир. Подарить его тебе.

— Ты уже подарил мне больше, чем думаешь, — сказала Мирра, и её голос дрогнул. — Ты подарил мне веру в людей.

Дарен обнял её, крепко и бережно, и они стояли так посреди комнаты, полной утреннего света и диковинных предметов, рассыпанных по столу. Старый заяц обнюхивал арагонский травник, белки устроили возню вокруг сверкающего браслета, а за окнами шумел весенний лес, наполненный пением птиц и ароматом цветущей черёмухи.

Остаток дня прошёл, как в сладком сне. Мирра, словно ребёнок, не могла наиграться с подарками. Она осторожно перенесла венецианский флакон в Святилище Стихий и поместила его на самое почётное место, на полку перед дуплом дуба. Туда, где она держала самые важные и сильные свои составы. Она решила, что именно в этом флаконе будет храниться чистейшая, прошедшая многократную дистилляцию эссенция «Серебряного огня». Теперь эта сила обрела сосуд, достойный её величия. Арагонский травник она положила на свой рабочий стол, предварительно застелив его чистой холстиной, и до самого вечера не могла от него оторваться. Она сидела, склонившись над страницами, и её губы беззвучно шевелились, пытаясь разобрать незнакомые названия. Она узнавала растения по рисункам, делала пометки угольком на полях, сравнивала с тем, что знала сама. Дарен, сидя у печи и починая свою старую сумку, смотрел на неё с тихой, счастливой улыбкой. Ему нравилось видеть её такой — увлечённой, поглощённой своим искусством. Он понимал, что подарил ей не просто книгу. Он подарил ей путь в новые, неизведанные миры.

Вечером, когда солнце окрасило небо в оранжевые и лиловые тона, Мирра вышла на крыльцо. На ней были серьги с горным хрусталём, и они тихо позвякивали при каждом движении, ловя последние лучи заката. Сапфировый кулон лежал на груди, и его тёмная синева казалась кусочком наступающих сумерек. Дарен вышел следом и встал рядом, обняв её за плечи.

— О чём ты думаешь? — спросил он.

— Я думаю о том, как странно устроен мир, — ответила Мирра. — Ещё год назад я была изгоем. Меня прогнали камнями, как прокажённую. Я жила здесь одна, и единственными моими друзьями были белки и старый заяц. Я думала, что так будет всегда. Что моя жизнь — это служение лесу и алхимии, и больше в ней ничего не будет. А теперь у меня есть ты. Ты, который пришёл из далёких королевств и принёс мне частицу каждого из них. И теперь мой маленький дом вмещает в себя весь мир. Итальянское стекло, испанскую науку, цейлонские камни... Это ли не алхимия? Превращение одиночества в полноту.

Дарен прижался щекой к её волосам.

— Я думаю, это самая великая алхимия, какую только можно представить, — сказал он. — И её совершила ты. Не над металлами и не над травами, а надо мной. Ты превратила бродягу в оседлого человека. Ты превратила беглеца в того, кто хочет остаться. И за это я не расплачусь с тобой никакими товарами из дальних стран.

Мирра повернулась к нему, и в её глазах цвета лесного мха отразились первые вечерние звёзды.

— Ты уже расплатился, — прошептала она. — Тем, что ты здесь. Тем, что ты смотришь на меня так, как никто никогда не смотрел. Тем, что ты не боишься меня и моей силы.

— Я не боюсь, — твёрдо сказал он. — Я восхищаюсь. И я хочу, чтобы ты помнила: что бы ни случилось, я всегда буду на твоей стороне.

Ветер прошелестел в ветвях старого дуба, и листья его зашептали что-то успокаивающее. Лес затихал, готовясь ко сну. Мирра и Дарен стояли на крыльце, и между ними, на ладони Мирры, лежал браслет с лунными камнями, который она так и не надела, а просто держала, ощущая их прохладную, живую тяжесть. Она думала о том, что в её жизни началась совершенно новая глава. Глава, в которой есть не только наука и магия, но и любовь. И эта любовь, подобно философскому камню, превращала всё вокруг в золото.

Глава пятая. Магия огня и льда

Лето в Великом лесу выдалось жарким и душным, какого не помнили даже самые старые деревья, шептавшиеся об этом скрипучими голосами своих стволов. Солнце палило нещадно, и мох на крыше дома Мирры высох и потрескался, а земля вокруг родника покрылась сетью глубоких трещин. Ручей, снабжавший их водой, обмелел настолько, что превратился в тонкий, едва журчащий ручеек. Лес притих, измученный зноем. Птицы умолкали уже к полудню, прячась в густой тени. Белки лежали на чердаке, распластавшись на прохладных досках, и даже старый заяц, обычно невозмутимый, тяжело дышал, высунув язык.

Мирра и Дарен приспособились к этой новой реальности. Они вставали теперь с первыми лучами солнца, чтобы успеть сделать всю тяжёлую работу до наступления полуденного пекла. Дарен углубил колодец у родника, а Мирра использовала свои знания, чтобы создать охлаждающие эссенции. Она смешивала экстракт мяты, собранной на затенённых склонах, с микроскопической долей «Серебряного огня», и получала удивительный состав — жидкость, которая при испарении забирала тепло, создавая вокруг себя оазис прохлады. Она пропитывала этим составом полоски ткани и развешивала их в доме, и внутри старого сруба становилось почти свежо, как в погребе. Дарен не переставал удивляться её изобретательности и всё чаще задумывался о том, насколько глубоко простирается её дар.

Но сама Мирра чувствовала, что эта жара — не просто каприз погоды. Что-то неуловимо изменилось в воздухе. Он был не просто горячим, он был напряжённым, наэлектризованным, словно перед грозой. Только грозы не было уже много недель. Лес ждал. Ждал дождя, ждал перемены, и в этом ожидании чувствовалась какая-то скрытая угроза. В Святилище Стихий, куда Мирра теперь часто уходила работать, огонь в очаге вёл себя необычно. Он то взвивался высокими, почти белыми языками, то опадал, становясь синеватым, хотя она не меняла дров. «Изумрудная суть», хранившаяся в дупле дуба, начала слабо фосфоресцировать по ночам, словно предупреждая о чём-то. А «Теневая кровь», тяжёлая и обычно инертная, пошла рябью, когда Мирра в последний раз проверяла её сосуд.

— Что-то надвигается, — сказала она однажды вечером, сидя с Дареном на крыльце. Солнце уже село, но прохлада не приходила. Воздух был густым и липким, как сироп. — Я чувствую это. Стихии беспокойны.

Дарен взял её за руку. Он научился доверять её чутью так же, как доверял собственным глазам.

— Я тоже это чувствую, — признался он. — Я много путешествовал и привык к переменам погоды. Но здесь что-то иное. Это похоже на то, что бывает перед землетрясением в южных горах. Земля словно затаила дыхание.

Они ещё долго сидели в молчании, глядя на небо, на котором не было ни облачка, только бесконечная, равнодушная россыпь звёзд. И ночь не принесла облегчения.

Беда пришла неожиданно, как это всегда и бывает. На рассвете Мирру разбудил странный запах. Она села на постели, втягивая носом воздух. Пахло гарью. Но не так, как пахнет печной

дым или потушенный очаг. Это был едкий, острый запах горячей смолы и сухой хвои. Дарен проснулся мгновение спустя, разбуженный её движением.

— Пожар, — сказал он, и это был не вопрос, а утверждение.

Они выбежали на крыльцо и замерли, поражённые открывшимся зрелищем. На востоке, там, где лес поднимался на невысокий, поросший соснами холм, небо окрасилось в зловещий багровый цвет. Огромный столб чёрного дыма поднимался к облакам, и даже с такого расстояния было видно, как мечутся в его клубах искры. Сухой лес, измученный жарой, вспыхнул, как порох. Языки пламени перепрыгивали с кроны на крону, пожирая деревья с невероятной скоростью. В воздухе стоял гул — низкий, утробный, сотканный из треска лопающейся коры и воя разгорающегося ветра. Птицы тучами взмывали в небо, гонимые паникой. По земле, не разбирая дороги, бежали звери. Мирра видела, как мимо их дома пронеслась семья оленей, как лиса, не обращая внимания на зайцев, мчалась прочь от огня.

— Оно идёт сюда, — сказала Мирра побелевшими губами. — Ветер дует в нашу сторону.

Дарен бросился в дом, крикнув на ходу, чтобы она собирала самое необходимое. Но Мирра не могла сдвинуться с места. Она смотрела на приближающуюся стену огня, и в её душе поднимался не страх, а какой-то иной, глубинный отклик. Она чувствовала этот пожар не как слепую стихию, а как живое существо. Гневное, голодное, но живое. И с этим существом можно было говорить. Она умела говорить с водой, с землёй, с деревьями. Почему она никогда не пыталась говорить с огнём? Потому что боялась его? Потому что считала, что огонь — это чистое разрушение, недоступное пониманию? Сейчас этот страх мог стоять жизни всему, что она любила.

Она сошла с крыльца и направилась навстречу дыму.

— Мирра! — закричал Дарен, выбегая из дома с мешком в руках. — Ты куда?! Надо уходить!

— Уходи, — ответила она, не оборачиваясь. — Уводи зверей. Я попробую его остановить.

— Ты с ума сошла! Это же огонь! Он сожжёт тебя!

Но Мирра уже не слушала. Она шла вперёд, туда, где за деревьями уже мелькали оранжевые сполохи, и жар становился невыносимым. Она вспоминала всё, что знала об алхимии стихий. Огонь — это не просто тепло и пламя. Это превращение. Это освобождение энергии, заключённой в материи. Это ярость, да, но это и очищение. Это начало и конец. Огонь, как и вода, как и земля, имеет свой дух, свою летучую душу. И если она смогла извлечь «Серебряный огонь» из воды, то, возможно, она сможет извлечь что-то и из этого бушующего пламени. Не для того, чтобы подчинить его, а для того, чтобы понять. А поняв — успокоить.

Она остановилась на небольшой поляне, метрах в ста от наступающего пожара. Жар здесь был уже таким, что трава под ногами дымилась, а воздух обжигал горло. Но Мирра не повернула назад. Она закрыла глаза и простёрла руки вперёд, раскрытыми ладонями к огню. Это был жест не повеления, а приветствия. Она начала шептать. Слова приходили к ней сами, как это всегда бывало. Она не придумывала их, она их слышала. Она говорила с огнём на его собственном языке — языке треска, гула и жара. Она признавала его силу. Она не просила пощады.

Она говорила ему, что видит его. Видит его голод, его ярость, его древнюю, неутолимую жажду пожирать и превращать. Она говорила, что понимает его. И она просила его не остановиться, но замедлиться. Дать время. Дать жизнь.

Пламя взревело, словно отвечая ей. Огненный смерч взвился над верхушками сосен, и на поляну обрушился удушающий жар. Но Мирра стояла. Она представляла себе воду. Не ту воду, что льётся с неба, а ту, что спит глубоко под землёй, в тёмных, холодных жилах. Она воззвала к этой воде, к её ледяному, терпеливому покою. Она, не прерывая разговора с огнём, начала другой разговор — с глубинной, скрытой влагой. Она просила землю отдать свою прохладу, подняться испариной, выступить росой. Это была магия не огня и не воды по отдельности. Это было балансирование между двумя безднами. Это была магия огня и льда, соединённая в одной хрупкой человеческой душе.

Пот заливал ей лицо и мгновенно испарялся. Волосы затрещали, кончики их начали скручиваться от жара. Но она не отступала. Она тянулась к огню своей душой, пытаясь ухватить его квинтэссенцию так же, как когда-то ухватила квинтэссенцию снега. И вдруг она почувствовала это. Там, в сердце ревущего пламени, билось нечто. Не просто тепло. Чистая, первозданная энергия превращения. Алый, пульсирующий сгусток чистой мощи, который был для огня тем же, чем «Серебряный огонь» был для воды. Первозданный принцип горения. Она коснулась его своим сознанием, и в тот же миг её захлестнула волна невероятной, опьяняющей силы. Она почувствовала, что может всё. Может сжечь весь лес до последней травинки. Может обратить в пепел целые города. Эта сила была прекрасна и ужасна, и она звала её, манила раствориться в ней, стать ею.

Но Мирра вспомнила Дарена. Вспомнила белок, спящих на чердаке. Вспомнила старого зайца, который так доверял ей. И она не позволила этой силе поглотить себя. Вместо этого она сделала то, на что не была способна ни одна стихия в отдельности. Она соединила их. Она сплела нить чистой огненной квинтэссенции с нитью ледяной, глубинной воды, которую тянула из-под земли. Две противоположности, два извечных врага встретились в её ладонях. И от этой встречи родилось нечто третье.

С неба, которое ещё минуту назад было безоблачным, вдруг хлынул дождь. Но это был не обычный дождь. Он был холодным, как лёд, и в то же время светящимся, пронизанным золотистыми искрами. Каждая капля, падая на землю, шипела, словно заключая в себе и воду, и огонь одновременно. Дождь обрушился на горящий лес сплошной стеной, и там, где он касался пламени, не было пара, не было шипения. Было лишь тихое, почти благоговейное угасание. Огонь не боролся. Он принимал этот дождь как дар, как долгожданное утоление жажды. Он ложился, сворачивался, уступал. Чёрный дым начал редеть, превращаясь в белёсый туман. Гул пожара стихал, сменяясь тишиной, в которой слышен был только ровный, успокаивающий шум ливня.

Мирра стояла в центре поляны, раскинув руки, и по её щекам текли слёзы. Она не знала, сколько времени прошло. Мгновение или вечность. Но когда она открыла глаза, пожара больше не было. Был мокрый, дымящийся, чёрный от копоти лес. Обгоревшие стволы, уродливо торчащие из луж. Пахло мокрой золой и озоном, как после сильной грозы. И было тихо. Так тихо, что она слышала стук собственного сердца.

— Мирра!

Голос Дарена вырвал её из оцепенения. Она обернулась и увидела его. Он бежал к ней, перепрыгивая через упавшие ветки, и лицо его было белее снега. За ним, осторожно ступая по лужам, семенили белки и ковылял старый заяц. Они не убежали. Они ждали её. Дарен добежал до неё и схватил в охапку, прижал к себе так крепко, что у неё затрещали рёбра. Он дрожал всем телом.

— Ты жива, — шептал он, зарываясь лицом в её мокрые, пахнувшие дымом волосы. — Жива. Я видел, как ты стояла в огне. Я думал, что потерял тебя. Что это было? Как ты это сделала?

Мирра прижалась к нему, чувствуя, как её оставляет чудовищное напряжение, и на смену ему приходит безмерная, свинцовая усталость.

— Я не знаю, — честно ответила она. — Я просто... поговорила с ними. С огнём и с водой. Я попросила их о перемирии. И они услышали.

Дарен отстранился и посмотрел ей в глаза. В его взгляде был не страх, а бесконечное, потрясённое восхищение.

— Ты не просто чародейка, — сказал он. — Ты... ты что-то гораздо большее. Я видел магов при дворах королей. Я видел жрецов, возносящих молитвы своим богам. Но никто из них не мог сделать того, что сделала ты. Ты повелела стихиями, Мирра. Ты остановила лесной пожар.

— Я не повелевала, — покачала она головой. — Я просила. В этом всё дело.

Она подняла руку и посмотрела на свою ладонь. Та была чистой, без единого ожога. Но Мирра чувствовала — что-то изменилось. Она, сама того не желая, вобрала в себя часть той первозданной силы, к которой прикоснулась. Огненная квинтэссенция, «Алое сердце», как она мысленно назвала её, и ледяная суть глубин, «Хрустальный покой», слились где-то внутри неё, уравновешивая друг друга. Она чувствовала их присутствие как два новых чувства. Как если бы она обрела способность видеть тепло и холод так же ясно, как свет и тень.

Последствия этого открытия не заставили себя ждать. Вернувшись в дом, который чудом не пострадал — дождь остановил огонь буквально в полусотне шагов от крыльца, — Мирра заперлась в Святилище Стихий. Дарен, понимая, что ей нужно побыть одной, не мешал. Только принёс ей тёплого отвара и кусок хлеба, оставив у двери. Она просидела там до глубокой ночи, изучая то новое, что в ней поселилось.

Она взяла венецианский флакон — тот самый, что подарил ей Дарен — и попыталась повторить опыт. Она вспомнила чувство прикосновения к огненной сути и попыталась воспроизвести его в миниатюре, над свечой. Это было неизмеримо легче, чем в первый раз. Маленький язычок пламени на фитиле дрогнул, вытянулся и вдруг отделился от свечи, превратившись в крошечную, с ноготок размером, алую каплю, которая повисла в воздухе. Она была горячее, но не обжигала. Она пульсировала, словно живое сердце. Мирра осторожно направила её во флакон и заткнула пробкой. Теперь у неё была квинтэссенция огня — «Алое сердце». Она знала, что эта субстанция может дать тепло в лютой мороз, может зажечь самый сырой хвост, а может — при неосторожном обращении — испепелить дом дотла.

Затем она обратилась ко второму дару. Она наполнила миску водой из родника и склонилась над ней, вспоминая тот глубинный, ледяной холод, который она призвала из недр земли. Она снова зашептала, но теперь это был не разговор с водой, а скорее извлечение урока из собственной памяти. Вода в миске начала кристаллизоваться не с краёв, а изнутри. В центре её возник крошечный кристалл чистейшего льда, который рос, распускаясь, словно цветок, пока вся вода не превратилась в единый, идеально прозрачный ледяной шар. От него шёл такой холод, что воздух в лаборатории заискрился инеем. Но ледяной шар не таял, даже когда Мирра брала его в руки. Она поняла, что это — квинтэссенция холода, «Хрустальный покой». И эта субстанция могла сохранять продукты свежими неделями, могла охладить лихорадящего больного, а могла — она чувствовала это — сковать целое озеро ледяным панцирем.

Но самое поразительное произошло, когда она, повинуясь внезапному импульсу, взяла флакон с «Алым сердцем» и поднесла его к ледяному шару. Две квинтэссенции, соприкоснувшись через стекло и воздух, не вступили в борьбу. Они начали кружиться. Вокруг флакона и ледяного шара возникло мерцающее поле, в котором жар и холод уравнивали друг друга, создавая зону идеального, комфортного тепла. Это было решение. Ключ к тому, чтобы использовать эти силы безопасно. Она поняла, что магия огня и льда — это не две разные магии. Это две стороны одной медали. И она, Мирра, была той точкой, в которой они встречались и примирались.

Она вышла из лаборатории на рассвете, усталая, но просветлённая. Дарен ждал её у окна, не сомкнув глаз за всю ночь. Он поднялся ей навстречу, и она просто кивнула, улыбнувшись.

— Я научилась, — сказала она. — Я научилась держать в руках огонь и лёд. И они не враждуют.

— Это опасный дар, — тихо сказал Дарен. — Но я знаю, что ты справишься. Ты — самая сильная душа, которую я встречал. И я всегда буду рядом.

Мирра подошла к нему и положила голову ему на грудь. За окнами, над чёрным, выжженным лесом, занимался новый день. Птицы, пережившие катастрофу, начинали робкую перекличку. Жизнь возвращалась. И Мирра знала, что отныне её уединённая алхимия перестала быть просто искусством исцеления и превращений. Она стала магией стихий. А сама она — их хранительницей.

Глава шестая. Кубики судьбы и карты предвиденья

Пепелище зарастало быстро, как это всегда бывает после лесных пожаров. Природа, словно устыдившись своей недавней ярости, торопилась залечить раны зелёной пеной молодой поросли. Уже через несколько недель чёрная, мёртвая земля покрылась нежным ковром кипрея, чьи лиловые цветы колыхались на ветру, будто флаги победившей жизни. На обугленных стволах проклюнулись робкие зелёные побеги. Звери, разбежавшиеся в день пожара, постепенно возвращались в свои норы и дупла. Дымный запах выветрился, уступив место аромату влажной земли, грибов и разогретой солнцем хвои.

В доме Мирры тоже наступил период обновления. После событий, едва не стоивших лесу гибели, она стала иначе смотреть на свой дар. Раньше она считала себя просто травницей, которой повезло наткнуться на древние секреты. Теперь же, держа в руках «Алое сердце» и «Хрустальный покой», видя, как они мирно уживаются в её Святилище Стихий, она понимала, что стала кем-то большим. Она стала мостом между силами, которые сама природа предназначила для вечной вражды. Это знание приносило не только гордость, но и глубокую, почтительную тревогу. Она чувствовала, что за такой дар придётся платить. И плата эта, скорее всего, будет высока.

Дарен, видя её задумчивость, старался развеять мрачные тучи в её душе. Он стал ещё внимательнее и нежнее, словно боялся, что однажды она просто растворится в своих стихиях, уйдя туда, куда ему нет дороги. Он окружил её теплом и заботой, но Мирра чувствовала, что даже его любви недостаточно, чтобы утолить её новую, странную жажду. Это была жажда не власти, а понимания. Она управляла огнём и льдом, она исцеляла смертельные раны, она говорила с животными и деревьями. Но чем больше она узнавала о мире, тем больше понимала, как много остаётся сокрытым. Она видела настоящее, она могла менять его своей алхимией. Но она не видела будущего. А именно будущее, его тёмные, неразгаданные тропы, всё чаще снилось ей по ночам.

Однажды, когда лето уже начало клониться к осени, а ночи стали длиннее и холоднее, Мирра сидела в Святилище Стихий, перебирая старые записи. Она искала рецепт укрепляющего бальзама, который когда-то нацарапала угольком на берёзовом срезе, и наткнулась на свёрток, о котором почти забыла. Это был тот самый кусок выцветшего бархата, в который Дарен заворачивал арагонский травник. Она хотела отложить его в сторону, но вдруг заметила, что бархатной. Между двумя слоями ткани что-то было шито. Что-то твёрдое и плоское. Она осторожно распоролла край костяной иглой и извлекла на свет предмет, который заставил её сердце забиться быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.